

Глава первая

Если плюшевый медведь, сидящий на капоте свадебного лимузина, тихо говорит жениху: «Парень, делай быстро ноги, пока в загс не поехали», то надо прислушаться к его совету.

Ко мне подошла Лена и прошептала:

— Виолочка, нужна твоя помощь! Пожалуйста, очень прошу, с самым веселым видом скажи: «Конечно, сейчас я живенько подошью тебе подол».

Я удивилась. Подошью подол? Платья? И почему роль портнихи предлагается мне, Виоле Таракановой, девушке с двумя левыми кривыми руками? Да я пуговицу не сумею пришить! По какой причине Лене пришло в голову обратиться к неумелой домашней хозяйке? В толпе гостей, которые ждут начала свадебной церемонии, я вижу Веронику Авдееву, владелицу модного дома, вот она способна из скатерти за десять минут сшить роскошную юбку. Вероятно, Ленка просто перепутала меня с Вероникой. Имена у нас вроде похожи. Диванкова выходит замуж, а у любой женщины в такой день непременно может случиться помутнение рассудка. Хотя Лена могла бы уже и привыкнуть,

она не первый раз собралась стать счастливой женщиной.

— Виола! Пошли скорей! — поторопила меня Диванкова. — Мне нужна твоя помощь. Срочно!

— Извини, пожалуйста, — пробормотала я, — тебе лучше обратиться к Авдеевой.

— Вероника болтливей сороки, — отрезала невеста, вывела меня в коридор, распахнула дверь, толкнула меня в комнату и села на диван.

Щеки Лены пылали ярким румянцем, глаза лихорадочно блестели.

— Я не умею подшивать подол, — бубнила я.

— Какой подол? Чей подол? — зашипела Ленка.

— Ты же сказала: надо подшить подол, — напомнила я, — а с такой проблемой лучше всех справится Вероника.

— О господи, — поморщилась невеста, — проблема с юбкой для отвода глаз. Объяснение для патологически любопытных особ, которые будут спрашивать, о чем ты со мной шепталась. Знаешь, так меня еще не унижали.

— В чем дело? — спросила я.

— Никак не вспомню: за кем я была замужем, когда мы с тобой познакомились? — прищурилась Елена.

Я задумалась. Диванкова занимается мебелью, у нее небольшая фирма, которая поставяет под заказ кровати, шкафы и кухни из разных стран.

Бизнес организовал ее первый супруг. А я встрети-
лась с Леной, когда купила просторную квартиру.
Я, тогда начинающая писательница, только-только
стала получать приличные гонорары. На апарта-
менты моих накоплений хватило, а на обстановку
почти ничего не осталось. К Лене меня отправи-
ла все та же Вероника Авдеева, она, тогда простая
швея, только мечтала о выезде из коммуналки.
Елена была ее клиенткой. Диванкова выяснила
бюджет автора детективных романов и не стала
цедить: «Да за такие гроши даже мышиную норку
не обставить». Она заявила:

— На фиг тебе Италия? Та, что развалится че-
рез год, все равно дорогая. А Италия, что прожи-
вет годы и не изменит своего внешнего вида, стоит
столько, что у тебя начнется нервная икота вместе
с почесухой по всему телу. Но есть прекрасный ва-
риант — белорусская мебель. Да, некоторые счи-
тают ее старомодной, шкафы-кровати много лет
делаются по одному образцу. А я называю ее ина-
че: классическая. Качество выше всяческих похвал.
Правда, не все белорусские фирмы хороши, но я
знаю, к кому надо обратиться.

Я прислушалась к совету Елены. И что? За всю
обстановку двушки, включая кухню, гардеробную
и кладовку, я отдала сумму, которую итальянцы
просили за одну кровать. Перебираясь в более
просторную квартиру, я рыдала от досады, что не
могу прихватить шкафчики из подсобных помеще-

ний и кухни, они были изготовлены под их размер. Зато все остальное благополучно перебралось вместе со мной. Книжные шкафы, обеденный стол, стулья и сейчас находятся в наших со Степаном апартаментах.

— Так за кем я была замужем в год нашего знакомства? — бормотала Ленка. — Вроде за Костей! Он от меня ушел через девять месяцев, потому что я много работала и не уделяла внимания супругу. Ха! Константин ни фига не делал, сидел дома, вкусно ел, сладко спал, машину получил. И был недоволен! Аривидерчи! Я совсем не переживала. Лешку я сама спустя год после росписи выперла. Запойный алкоголик — не мой формат. Двадцать дней в месяце он котик пушистый, оставшиеся десять — монстр на спирту. Ауфидерзейн! На выход со всем шмотьем, что ему я купила. Анатолий некоторое время был бананом в шоколаде. Сладкий очаровашка. Потом как двинет мне в челюсть. Чего он взбесился? Я якобы на него не так посмотрела. Как? Не так! Как? Не так! Сто раз спроси, один ответ получишь. Чао, бамбино! Даже если я тебя жуком навозным обозвала, это не повод кулаками размахивать. Кто там был дальше? Егор! Тот меня спустя полгода после загса отравить решил. Ой, не могу. Вычитал в каком-то детективе, может, в твоём, что человека можно на тот свет отправить, если ему в чайную заварку подсыпать соды.

— Не могла я такую глупость написать, — возмутилась я, — в прежние времена проводники поездов дальнего следования добавляли в чай гидрокарбонат натрия. Минимальное количество соды придавало темно-коричневый цвет напитку. Прямо ух какая крепкая заварка. А на самом деле ее в стакане почти не было.

— Не важно, кто эту фигню нацарапал, — отмахнулась Ленка, — я оборжалась и вытурила идиота. К чему эти брачные воспоминания? А к тому, что все мои мужья, гепатит им в печень, все они, дураки, жадины, гаденыши, творили пакости, которые имели логическое объяснение. Костя хотел, чтобы я ему в рот смотрела, в пол кланялась. Ленка был выпивоха, Толик — драчун, Егор на наследство рассчитывал. Противненько, но понятненько. Простые такие мужские особи. Я ни на одного из них не в обиде, они такие, какие есть. Не умеешь себя вести? Гуд-бай, май лав, гуд-бай. Я не на помойке себя нашла. У меня есть план — жить счастливо. Буду постоянно менять мужей. Рано или поздно в мешке дерьма сверкнет алмаз. А жить с говном для того, чтобы говорить: «Я счастлива замужем», не желаю! Деньги сама зарабатываю, для секса всегда кого-то использую. Хочется найти друга, настоящего, который меня вместе с моими тараканами полюбит и примет. Мои тараканы подружатся с прусаками в его голове. И вот она, счастливая семья. Я давно поняла: супругов свя-

зывают не быт, не дети, а совместно совершенные безумства и дуэтом сделанные пакости. Но Федор уникален. Такого я еще не встречала. Он отказывается расписываться.

Я опешила.

— Приехал в загс и передумал?

Груда пледов на соседнем диване зашевелилась, развалилась, и я увидела мать Лены. Ольга Алексеевна хлопнула ладонью по сиденью.

— Да, Ленусик мастер по выбору моральных уродов. Сколько раз она обжигалась! И в то же дерьмо влезла! Неймется ей! Нашла себе принца? Ну и живи с ним тихо, без фейерверка! Зачем свадьбу затевать? Тьму денег на ветер бросать?

— Праздника хочется, — объяснила Лена, — душа просит веселья. Девочки о букете мечтают. Не нервничай, мусик. Это же ненадолго. Схожу еще разок и вернусь! Не мешай мне. Сама сколько раз брак оформляла?

— Ну... три, — пробормотала Ольга Алексеевна.

— Мусик, тебя память подводит, — захихикала дочка. — Больше, однако! Семь! Мамуль, тебе имена назвать? Коля, Игорь, Петя, опять Коля, Саша, Паша, Сережа! Вроде я никого не забыла. Ты каждого недолго терпела, вытуривала. А вот собаку или кота, с которыми мужики к твоему берегу приплывали, оставляла. Перс первого Коли очень любил таксу Сережи. В результате, мамуль, у тебя

появилось четыре пса, три кота и я! С мужиками ты сурово разбиралась. Значит, ты сама жила как хотела, а мне нельзя? Мои-то избранники без животных все были. А у тебя до сих пор стадо дома! Первого Коли сто лет как рядом нет, а котяра его до сих пор с тобой живет, и ничего, бодрячком выглядит!

— А от меня что тебе надо? — вернула я беседу к прежней теме.

— Поговори с Федькой, — попросила Ленка. — Вложи в его тупую башку простую, как топор, мысль: сегодня надо расписаться! Почему? Ресторан оплачен, гости пожрать-выпить мечтают. Мне охота подарочки получить, в белом платье походить. Даже если Федьке все плюшевые медведи мира велят: «Уходи от Лены», то мужику следует быть мужиком. Мы распишемся, погудим, и через месяц пусть он катится на все четыре стороны. Но убежать из-под венца парню, даже если он дурак, смешно. Пусть не слушает плюшевого медведя. Он врет.

— А при чем тут игрушка? — не поняла я.

Лена как будто не слышала вопроса.

— Мамусик семь раз в загс бегала, и ничего.

— Никогда бы столько раз официально в отношении не вступала, — вздохнула Ольга Алексеевна, — да в советские годы, если баба была не замужем, на нее косо смотрели, думали, что она...! А я честная женщина! Со штампом. Шесть раз паспорт

теряла, шла в загс всякий раз с чистыми страницами.

— При чем тут игрушка? — повторила я.

Лена велела:

— Иди в комнату для жениха. Федька там. У него спроси!

Глава вторая

Федор с самым мрачным видом сидел на диване.

— Привет, — весело сказала я и села в кресло.

— Зря пришла, нет! — быстро заявил Федя.

Я прикинулась дуручкой:

— Ты о чем?

Лебедев скорчил рожу:

— Прекрати, ясно же, это Ленка тебя подослала. Не хочу оформлять брак. Все. Точка. Конец!

— И не надо, — улыбнулась я.

Жених икнул.

— В смысле?

— Не желаешь жениться на Елене? Твое право, — пожала я плечами, — забирай вещи и уезжай от Диванковой.

— Речь идет не о разрыве отношений, — живо уточнил Федя, — просто я не хочу их официально оформлять.

Я пересела на стул.

— Федя, ты как относишься к Ленке?

— С любовью, — ответил Лебедев.

Я сцепила зубы. Конечно, с горячей настоящей любовью. До встречи с Леной Феденька жил, прямо скажем, не очень богато, нигде не работал официально. Вроде по образованию он художник. Но я диплома Лебедева и его картин не видела.

— Жить с ней я буду как жил, — гудел тем временем он, — а штамп в паспорт не поставлю! Понимаешь?

— Нет, — ответила я. — По какой причине ты решил отложить свадьбу в день росписи? Не мог это сделать раньше?

— Нет! — надулся Лебедев.

— Почему? — не отставала я.

— Потому что медведь со мной поговорил, когда машина приехала!

Я ожидала любого ответа, кроме того, что услышала, поэтому растерялась.

— С тобой беседовал мишка?

— Да.

— Живой?

Федор усмехнулся.

— Очнись! Мы не в лесу! В Москве! По столице косолапые не разгуливают. Плюшевый, конечно!

— Плюшевый, значит, — повторила я. — И, конечно, ты шутишь.

— Нет! — серьезно возразил Федор.

Я уставилась на него. Странно, конечно, но большинство женихов перед свадьбой нервничает сильнее, чем их невесты. Наверное, мужчинам передаются спазмы ужаса их кошельков, которые осознают: им теперь придется худо. После регистрации брака нежная женская лапка получит законное право шарить в портмоне мужа. А он, наивный, услышав от второй половины фразу: «Купила сегодня туфли красные, с бантиком, на каблуке», думает, что спутница жизни экономно приобрела одну пару. То, что их три, ему и в голову не придет. Скорей всего, у Федей сейчас приступ паники, который случается со многими представителями сильного пола при виде двери с табличкой «Дворец бракосочетаний». Впавший в нервное состояние жених видит на двери другую надпись: «Похороны свободной жизни». А кто станет веселиться на похоронах?

Я решила говорить с Федей как с человеком, у которого начался реактивный психоз. Знаете, что это за болезнь такая? Привожу пример. Вы ехали зимой по набережной, не справились с управлением, угодили в реку. Вас оттуда благополучно вытащили, но вы повели себя неадекватно. До падения шофер был вполне разумным человеком, а после пребывания в воде лишился разума от испуга и шока. Такое внезапное превращение и называется реактивным психозом. Прекрасная новость: в большинстве случаев этот недуг хорошо лечится.

Я спросила:

— Феденька, ты советовался по поводу свадьбы с плюшевым мишкой?

— Нет.

— Милый, минуту назад ты сказал, что Михайло Потапыч отсоветовал тебе оформлять брачный союз с Леной.

— Нет. То есть да! — заявил Лебедев.

Я приуныла. Похоже, Федя совсем плох.

— Ты с ним советовался?

— Какому идиоту может прийти в голову спрашивать мнение игрушки? — возмутился жених. — Он сам ко мне полез.

Я постаралась не измениться в лице.

— Кто?

— А о ком мы говорим?

— О плюшевом медведе. Он решил пообщаться с тобой?

— Да!

Ой, жаль мужика, у него беда с головой.

— Феденька, а где он тебя нашел?

— Медведь? На капоте сидел!

— На машине?

— А ты видела когда-нибудь человека с капотом?

— Нет.

— Зачем тогда глупый вопрос задаешь? Да, Топтыгин сидел на лимузине.

— Свадебном?